

ИЗЪ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ.

I.

Альфредъ Россель Уоллэсъ.

(8 января 1823 г. — 7 ноября 1913 г.)
(27 декабря 1822 г. — 25 октября 1913 г.)

25 октября стараго стилия въ Лондонѣ скончался Альфредъ Россель Уоллэсъ (Alfred Russel Wallace) на девяносто первомъ году отъ рожденія. Имя Уоллэса тѣсно связано съ именемъ Чарльза Дарвина и дарвинизма. Независимо отъ Дарвина Уоллэсъ пришелъ къ идеямъ, которыя теперь носятъ имя дарвинистическихъ. Уоллэсъ отдалъ много силъ и энергій на разработку этихъ идей, но онъ не отдалъ себя имъ всецѣло. Онъ работалъ въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ знанія, онъ отзывался и на социальныя и экономическія запросы вѣка. Въ этой своей послѣдней дѣятельности онъ не интересуется нищущаго эти строки. Но за научными работами Уоллэса я слѣдилъ болѣе четверти вѣка. Эти работы дороги всякому, кто любитъ науку, но для философа и богослова онѣ представляютъ особенный интересъ.

Въ Дарвинѣ и Уоллэсѣ дарвинизмъ, такъ сказать, бифурцировался. Въ Дарвинѣ онъ вступилъ въ союзъ съ матеріализмомъ. Самъ Дарвинъ отрекался отъ матеріализма и заявлялъ—хотя и не очень твердо—о своей вѣрѣ въ Бога, но своего Бога онъ не допускалъ вмѣшиваться въ дѣла міра. Его Богъ подобно богамъ Эпикура долженъ помѣщаться въ „промежуткахъ пустого пространства“. Между вѣрою въ такого Бога и рѣшительнымъ отрицаніемъ Божества трудно установить различіе. Въ Уоллэсѣ дарвинизмъ вступилъ въ союзъ съ идеализмомъ. Принципы эволюціи дали основанія Уоллэсу для рѣшительнаго отрицанія матеріализма. Матерія

для него есть видъ силы, и всякая сила въ своей основѣ духовна. Въ вселенной имѣется много духовныхъ силъ неизмѣримо высшихъ, чѣмъ человѣческія. Источникъ и начало всего кроется въ Высшемъ Разумѣ. Дарвинисты „процали“ Уоллэсу эти его воззрѣнія, какъ позитивисты—и то далеко не всё—„процали“. Конту его религію. Но гораздо лучше было бы для всѣхъ этихъ великодушныхъ расточителей прощенья вмѣсто того, чтобы прощать тамъ, гдѣ они не призваны обвинять, постараться понять то, что они прощаютъ.

Жизнь Уоллэса была научнымъ подвигомъ. Его дѣтство и ранняя юность прошли около Лондона. Онъ учился въ Хертфордской школѣ. Его старшій братъ потомъ руководилъ его въ дѣлѣ наученія профессіи землемѣрія и гражданскихъ инженеровъ. Рано Уоллэсъ обнаружилъ любовь къ ботаникѣ и коллекционированію насѣкомыхъ. Онъ былъ учителемъ въ Лейчестерѣ и Южномъ Уэльсѣ. Но 25 лѣтъ отъ роду въ 1848 г. онъ покинулъ эту профессію и отправился въ Пару—область въ Бразиліи—гдѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ производилъ изслѣдованія въ долинѣ Амазонки. Здѣсь онъ нажилъ себѣ лихорадку и принужденъ былъ въ 1852 г. вернуться въ Англію. Онъ повезъ съ собою громадную коллекцію, много живыхъ животныхъ, много рукописей и эскизовъ. Но судно, на которомъ онъ отправился, загорѣлось среди океана. Багажъ Уоллэса, за исключеніемъ немногихъ рукописей, погибъ, и самъ онъ вмѣстѣ съ другими пассажирами искалъ спасенія на лодкахъ. Послѣ десятидневнаго плаванія по океану они были взяты другимъ судномъ. Въ октябрѣ 1852 г. Уоллэсъ достигъ Англіи. Онъ опубликовалъ здѣсь „Путешествіе по Амазонкѣ и Ріо Негро“ и „Пальмы Амазонки“. Въ 1854 г. онъ снова покинулъ Англію и отправился на Малайскій архипелагъ, на которомъ провелъ восемь лѣтъ, извѣдивъ его вдоль и поперекъ. Здѣсь онъ пришелъ къ теоріи происхожденія видовъ путемъ естественнаго отбора въ борьбѣ за существованіе. Теорія Мальтуса, согласно которой организмы размножаются въ геометрической прогрессіи въ то время, какъ средства къ существованію лишь въ арифметической, его, какъ и Дарвина, натолкнула на мысль объ отборѣ. Первые наброски теоріи были сдѣланы имъ на Борнео въ 1855 г. Идея отбора пришла ему во время приступовъ

лихорадки, которая и не покидала его, или на Малайскомъ архипелагѣ. Подобно Паскалю и самому Дарвину онъ создавалъ новыя теоріи, страдая физически. Отправленная имъ въ Европу статья „стремленіе равновидностей безконечно удаляться отъ первоначальнаго типа“ (напечатана въ *Journal of the Proceedings of the Linnean Society*, August. 1858) побудила Чарльза Дарвина поспѣшить съ опубликованіемъ своей теоріи происхожденія видовъ, такъ какъ было ясно, что Уоллэсъ шелъ по тому пути, на который Дарвинъ вступилъ уже въ 1844 году.

Въ 1862 г. Уоллэсъ навсегда вернулся въ Англію. Онъ вывезъ изъ своего путешествія болѣе 125.000 естественно-историческихъ предметовъ (между ними—310 экземпляровъ млекопитающихъ, 100 пресмыкающихся, 8.050 птицъ, 7.500 моллюсковъ, 13.100 бабочекъ). Разработкою части своихъ коллекцій онъ занялся самъ, часть передалъ другимъ ученымъ. Онъ поселился въ Лондонѣ и прожилъ еще болѣе полвѣка. Здѣсь онъ опубликовалъ рядъ статей и книгъ, каждая изъ которыхъ или сообщала о новыхъ фактахъ, или давала новыя теоріи, или то и другое. Относительно его теоріи нужно сказать, что только въ своемъ ученіи о происхожденіи видовъ онъ оказался въ согласіи съ своимъ вѣкомъ, которому далъ книгу „Чудесный вѣкъ“ (переведена на русскій языкъ). Въ другихъ теоріяхъ онъ казался своему вѣку парадоксальнымъ. Но можетъ быть именно въ нихъ онъ и приближался наиболѣе къ вѣчной правдѣ.

Повидимому онъ давно уже сталъ слабѣть. Въ 1909 году онъ не могъ принять участія въ празднованіи столѣтняго юбилея со дня рожденія Дарвина. Въ 1913 г. его не стало. На русскомъ языкѣ имѣются его сочиненія: Малайскій архипелагъ, страна орангъ-утанга и райской птицы. 1872 г., Естественный подборъ (въ нѣсколькихъ переводахъ, самый полный Н. Вагнера 1878 г.), Дарвинизмъ 1898 г., Чудесный вѣкъ. Мѣсто человека во вселенной 1904 г. Но очень мало замѣченной въ Россіи была его книга *Miracles and modern-spiritualism*—чудеса и новый спиритуализмъ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Вильямомъ Круксомъ и нѣкоторыми другими натуралистами выступаетъ убѣжденнымъ защитникомъ спиритизма. Впрочемъ, и его книга о естественномъ подборѣ—*Contributions to the theory of natural selection* однимъ изъ

русскихъ переводчиковъ была подвергнута измѣненіямъ („и исправленіямъ“) и своеобразной кастраціи: глава о происхожденіи челоуѣка была выброшена. Можно съ увѣренностію сказать: не по требованіямъ цензуры, а пожеланію вопреки ея желаніямъ было наложено табу на ретроградные взгляды Британскаго натурализма.

Какъ писатель, Уоллэсъ увлекателець. Какъ мыслитель, онъ разносторонень. Стави вопросъ, онъ всегда разсматриваетъ, въ связи съ какими другими вопросами онъ стоитъ. Давая рѣшеніе вопроса, онъ всегда старается по возможности опредѣлить, какіе выводы слѣдуютъ изъ этого рѣшенія. Принявъ принципъ прогрессивной измѣчивости и міровой эволюціи, Уоллэсъ увидѣлъ, что изъ этого съ необходимостію слѣдуетъ существованіе Высшаго Разума и вышечеловѣческаго міра.

Нашъ разумъ выясняетъ намъ съ несомнѣнностію, что возможенъ разумъ несравненно высшій, чѣмъ нашъ. Но если онъ возможенъ, то онъ дѣйствителенъ. Процессъ міровой жизни имѣетъ за собою безконечное прошлое и потому въ немъ должны были осуществиться всѣ возможности. Сущность телеологическаго доказательства бытія Божія нерѣдко формулировали въ словахъ Цицерона, который говорилъ, что случай точно такъ же не могъ образовать благоустроеннаго міра, какъ изъ наудачу брошенныхъ буквъ онъ не могъ образовать лѣтописей Энія. Противъ этого разсужденія выдвигаютъ принципы вѣроятности и эволюціи. Если броситъ наудачу буквы, изъ которыхъ состоятъ лѣтописи Энія, то совершенно безразсудно ожидать, что они сложатся въ стройные ряды, въ которые нѣкогда уложила ихъ мысль Энія. Это вѣрно, но если ежечасно бросать эти буквы въ теченіе нѣсколькихъ милліоновъ лѣтъ, то, вѣдь, тогда въ ряду тѣхъ комбинацій, въ которыя будутъ вступать эти буквы, должна непремѣнно оказаться и Эніева и притомъ даже безъ тѣхъ опісокъ, которыя допустилъ авторъ, и безъ тѣхъ корректурныхъ опібокъ, которыя допускаются обыкновенно типографіями. Эмпедокль сказалъ: въ природѣ сохраняется только цѣлесообразное. Въ природѣ возникаютъ всевозможныя комбинаціи, но естественный отборъ сохраняетъ приспособленныя къ средѣ. Разумъ, разъ явившись, нѣпвно хватается за жизнь и стремится сохраниться и умно-

житься. Но, конечно, не на землѣ и не въ лицѣ человѣка впервые засвѣтился этотъ разумъ во вселенной. Трильоны и квадрильоны вѣковъ назадъ онъ долженъ былъ существовать. Этотъ разумъ, конечно, долженъ былъ дѣлать то, къ чему стремится теперь разумъ человѣческій—препобѣждать природу и подчинять ее себѣ. И онъ имѣлъ у себя совершенно достаточно времени для того, чтобы достигнуть какихъ угодно цѣлей въ этомъ направленіи. Зачѣмъ намъ мечтать о Uebermensch'ѣ? Милліоны вѣковъ тому назадъ онъ уже существовалъ во вселенной.

Уоллэсъ пришелъ къ заключенію, что существуетъ невидимый духовный міръ и что этотъ духовный міръ былъ тѣмъ Провидѣніемъ, которое путемъ постепеннаго развитія произвело человѣка отъ животныхъ типовъ и теперь ведетъ его по пути развитія и усовершенствованія. Теоретическія соображенія и факты привели Уоллэса къ такому воззрѣнію.

Естественный подборъ сохраняетъ въ борьбѣ за существованіе только приспособленнѣйшихъ, естественный подборъ образуетъ и фиксируетъ только тѣ признаки у животныхъ, которые имъ полезны. Но при подборѣ искусственномъ подбирающее разумное лицо можетъ фиксировать тѣ или иные признаки ради какой-нибудь отдаленной цѣли. Изучая человѣка съ его физической и психической стороны, Уоллэсъ приходитъ къ заключенію, что въ физической и психической организаціи дикарей находится много такого, что имъ совершенно не нужно, и что заложено въ нихъ ради отдаленныхъ цѣлей, дикарь, напримѣръ, владѣетъ мозгомъ философа, а на самомъ дѣлѣ ему нуженъ мозгъ немного больше того, который имѣетъ обезьяна. Должно полагать, по Уоллэсу, что большой мозгъ образованъ въ дикарѣ ради его будущаго цивилизованнаго состоянія, когда онъ съ пользою будетъ употреблять его. Мягкая, голая, чувствительная кожа, лишенная волосъ, замѣчательно совершенное строеніе рукъ и ногъ, чрезвычайно сложное строеніе гортани, всѣ эти свойства совершенно ненужныя, а иногда и вредныя для дикарей, понятно, не могли произойти путемъ естественнаго подбора. Относительно сферы духовной Уоллэсъ говоритъ: „многія изъ умственныхъ способностей дикаря не имѣютъ никакого приложенія ни къ отношенію его къ своимъ собра-

тіямъ, ни къ улучшенію матеріальной стороны его существованія. Понятіе о вѣчности и безконечности и всѣ чисто отвлеченныя представленія о формѣ, числѣ и гармоніи, играющія такую важную роль въ жизни цивилизованныхъ племенъ, находятся совершенно внѣ круга идей дикаря и не имѣютъ никакого вліянія ни на индивидуальность, ни на его племенное существованіе. Такія свойства, слѣдовательно, не могли развиться путемъ сохраненія полезныхъ формъ мысли, а между тѣмъ мы находимъ случайные слѣды ихъ и при низкой степени цивилизаціи и еще въ такое время, когда они не могли имѣть никакого практическаго вліянія на благосостояніе отдѣльныхъ особей или семействъ и племенъ. Точно также мы не можемъ объяснить естественнымъ подборомъ развитія нравственнаго чувства или сознанія¹⁾. Всѣ эти признаки, однако, необходимы человѣку для его развитія и они были заложены и развиты въ немъ, по мнѣнію Уоллеса, рода отдаленнѣйшихъ цѣлей цивилизаціи. „Я вывожу изъ этого ряда явленій, говоритъ онъ, оканчивая свое разсужденіе о происхожденіи человѣка¹⁾, то заключеніе, что нѣкоторое высшее интеллигентное существо давало определенное направленіе развитію человѣка, направляло его къ спеціальной цѣли совершенно такъ, какъ человѣкъ руководитъ развитіемъ многихъ животныхъ и растительныхъ формъ. Законы развитія сами по себѣ, можетъ быть, никогда не произвели бы зерна столь хорошо приновреннаго къ нуждамъ человѣка, какъ пшеница или макъ, не произвели бы такихъ плодовъ, какъ безсѣменные бананы и плоды хлѣбнаго дерева, или такихъ животныхъ, какъ гернейскія дойныя коровы и лондонскія ломовыя лошади. Но всѣ приведенныя формы такъ похожи на тѣ, которыя произведены природой безъ вмѣшательства человѣка, что мы легко можемъ себѣ представить, что лицо, основательно знакомое съ законами геологическаго развитія органическихъ формъ, не захочетъ повѣрнуть, чтобы въ произведеніи ихъ участвовала какая-то особая новая сила и презрительно отвергнетъ теорію (какъ можетъ быть и моя теорія будетъ отвергнута мно-

¹⁾ Естественный подборъ. Перев. подъ редакцію Н. Н. Вагнера. С.-Петербургъ 1878 г. стр. 328—391.

гими. согласными со мной въ другихъ пунктахъ) — отвергнуть теорію, что въ этихъ немногихъ случаяхъ нѣкоторая разумная сила для собственныхъ цѣлей направляла и контролировала дѣйствіе законовъ измѣнчивости, размноженія и переживанія приспособленнѣйшихъ. Однако, мы знаемъ, что такая сила въ разсматриваемомъ примѣрѣ участвовала, поэтому мы по крайней мѣрѣ должны допустить возможность того, что, если мы не высшія интеллигентныя существа всей вселенной, то нѣкоторое высшее, чѣмъ мы, интеллигентное существо направляло процессъ развитія человѣческаго рода, направляло при томъ такими тонкими средствами, о которыхъ мы даже не можемъ составить себѣ понятія по тѣмъ, которыми сами располагаемъ. Въ то же время я долженъ сознаться, что эта теорія неудобна тѣмъ, что требуетъ вмѣшательства какой-то разумной индивидуальности, въ образованіе того, что мы можемъ разсматривать какъ конечную цѣль всего органическаго міра, т.-е. въ образованіе интеллектуальнаго и нравственнаго безконечно совершенствующагося человѣка. Теорія эта заставляетъ допустить, что великіе законы, управляющіе матеріальнымъ міромъ, недостаточны для произведенія человѣка или, по крайней мѣрѣ, мы должны допустить и при томъ на вѣру контроль высшей интеллигенціи, какъ необходимую составную часть этихъ законовъ, настолько же необходимую, насколько необходимо дѣйствіе окружающей среды для развитія органическаго міра“.

Признавъ сверхъестественное вмѣшательство въ процессъ возникновенія и развитія человѣчества, Уоллэсъ призналъ Провидѣніе. Въ своихъ дальнѣйшихъ работахъ онъ попытался установить, что именно человѣчество и населяемая имъ земля служатъ, такъ сказать, предметомъ особеннаго попеченія Провидѣнія. Въ трактатѣ „Вопросъ о жизни на Марсѣ“ мною было показано, что Уоллэсъ смотритъ на землю, какъ на единственный обитаемый міръ во вселенной. Здѣсь нечего повторять его соображенія. Но поучительно привести выдержки изъ его предисловія и заключенія къ книгѣ о „мѣстѣ человѣка во вселенной“. Первая выдержка покажетъ, какъ хорошо понималъ покойный ученый публику, къ которой обращался съ своей книгою; вторая — покажетъ, какимъ вѣрованіямъ онъ наиболѣе сочувствовалъ.

„Слѣдя уже съ давнихъ поръ за работами по вопросу о предполагаемой множественности міровъ и прочитывая большинство изъ нихъ, я зналъ до какой степени поверхностно относились къ этому предмету даже самые талантливые ученые и писатели; и это обстоятельство еще болѣе побудило меня собрать и сооставить возможно полную серію астрономическихъ, физическихъ и біологическихъ свидѣтельствъ—и притомъ такимъ образомъ, чтобы видно было, что именно эти свидѣтельства дѣйствительно доказываютъ и на что они лишь намекаютъ.

Существуютъ ли или не существуютъ логическія научныя основанія думать, что наша земля представляетъ единственно обитаемую планету—и не только въ солнечной системѣ, но и во всей звѣздной вселенной? Конечно, это такой вопросъ, который разрѣшить съ абсолютною достовѣрностью невозможно. Но за отсутствіемъ прямыхъ доказательствъ, ясно, что мы поступимъ вполне рачіонально, обратившись къ вѣроятностямъ; а эти вѣроятности должны быть опредѣлены не на основаніи нашихъ симпатій и предрасположеній въ пользу того или иного взгляда, а на основаніи абсолютно безпристрастнаго, непредубѣжденнаго изслѣдованія тенденціи каждаго свидѣтельства.

Тѣхъ же изъ моихъ читателей, которые могутъ поддаться вліянію критики со стороны противниковъ моихъ взглядовъ, я убѣдительно прошу помнить, что на всемъ протяженіи настоящаго труда, какъ факты, такъ и наиболѣе очевидные выводы изъ нихъ я даю, опираясь не на свой авторитетъ, а всегда на авторитетъ лучшихъ астрономовъ, математиковъ и другихъ людей науки, труды которыхъ были для меня доступны и имена которыхъ я привожу съ соответствующими точными ссылками.

Все, что мнѣ оставалось сдѣлать въ этой работѣ, это—свести вмѣстѣ различныя факты и явленія, которые они же сами собрали; поставить на видъ тѣ самыя гипотезы, которыми они же объясняли эти факты и явленія.—или указать на тѣ выводы, которые ясно вытекали изъ ими же добытыхъ свидѣтельствъ: явиться третейскимъ судьей при столкновеніи двухъ различныхъ мнѣній или теорій; и наконецъ—скомбинировать выводы различныхъ, весьма удаленныхъ другъ отъ друга, областей знанія и показать, какое они

имѣютъ отношеніе къ великой проблемѣ, которую я, по мѣрѣ силъ, старался здѣсь выяснитъ.

Свою книгу Уоллэсъ заключаетъ такъ.

„Я закончу прекрасными строками Проктора, вылившимся изъ-подъ его пера, когда онъ размышлялъ о безконечности: Несомнѣнно, непостижимы всѣ эти безконечности времени и пространства, матеріи, движенія и жизни. Непостижимо, какъ цѣлая вселенная можетъ стать на всѣ времена сценой дѣйствія безконечной силы вездѣсущей, все знающей. Въ высшей степени непостижимо, какъ Безконечная Цѣль можетъ соединяться съ безконечной матеріальной эволюціей. Но вѣдь то не новая мысль, не современное открытіе, что мы абсолютно не можемъ ни вообразить, ни понять идею Безконечнаго Существа—Всемогущаго, Всезнающаго, Вездѣсущаго и Вѣчнаго, въ несповѣдимыхъ цѣляхъ котораго матеріальная вселенная является неизъяснимымъ проявленіемъ. Наука вновь стоитъ лицомъ къ лицу со старой—престарой тайной; ей задаютъ все тѣ же старые престарые вопросы: Можешь ли ты изслѣдованіемъ найти Бога? Можешь ли совершенно постигнуть Вседержителя? Онъ превыше небесъ,—что можешь сдѣлать? глубже преисподней,—что можешь узнать? „(кн. Іова, гл. 11 ст. 7—8). И наука отвѣчаетъ на эти вопросы точно также, какъ отвѣчали на нихъ въ древнія времена.“ Что касается до Вседержителя,—мы не можемъ постигнуть Его“ („кн. Іова, гл. 37, ст. 23“).

Какъ вѣрующій, Уоллэсъ смиренно преклоняется предъ Богомъ и исповѣдуетъ Божественную непостижимость. Какъ метафизикъ, онъ хочетъ понять Божественное созданіе—вселенную. Что представляетъ она собой въ своей сущности?

Если все существующее въ матеріальномъ мѣрѣ есть сила или силы, то естественно, тотъ часъ же является вопросъ: что такое сила? Мы знакомы съ двумя радикально отличными или только повидимому отличными родами силы; первый родъ первичныхъ силъ природы, каковы тяготѣніе, сцѣпленіе, отталкиваніе, теплота, электричество и т. д.; второй родъ—сила нашей собственной воли. Многія лица совсѣмъ отрицаютъ существованіе послѣдней;—они говорятъ, что воля есть просто преобразование первичныхъ силъ; они утверждаютъ, что совокупность силъ заключаетъ и силы животной жизни, и что воля сама есть только результатъ молекуляр-

ныхъ измѣненіи въ мозгу. И однако полагаю, что это послѣднее утвержденіе не только никогда не было доказано, но даже не доказана возможность его; и что принимающій его дѣлаетъ смѣлый скачекъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Сразу можно согласиться съ тѣмъ, что мускульная сила животныхъ и человѣка есть только измѣненіе элементарныхъ силъ природы. Это положеніе, если не строго доказано, то по крайней мѣрѣ въ высшей степени вѣроятно: при томъ эта связь находится въ полнѣйшемъ согласіи со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о естественныхъ силахъ и законахъ. Но при всемъ томъ, ничто не позволяетъ намъ считать фізіологическій балансъ, рассчитаннымъ на столько, чтобы мы имѣли право сказать, что ни въ одномъ органѣ силы не превосходятъ даже на одну тысячную грана тѣхъ, которыя происходятъ изъ извѣстныхъ первичныхъ силъ матеріальнаго міра „Если бы мы могли сказать это съ увѣренностью,—то существованіе воли было бы окончательно опровергнуто. Вѣдь, самое понятіе о волѣ заключается въ томъ, что она даетъ направленіе силамъ, накопленнымъ въ тѣлѣ, а такое направленіе немислимо, если допустить, что оно совершается безъ затраты какой-нибудь части организма. Какую сложную машину ни придумайте, какія остроумныя приспособленія ни устройте для приведенія въ движеніе возможно малой силой гирь или пружинъ,—все же для того требуется нѣкоторое количество внѣшней силы. Такъ и въ сложной машинѣ, представляемой организмомъ животнаго: какъ ни малы измѣненія въ клѣточкахъ и волокнахъ мозга, потребныя для возбужденія въ нервахъ токовъ, которые въ свою очередь даютъ ходъ силѣ, накопленной въ мускулахъ;—какъ ни малы будутъ эти измѣненія, все же для произведенія ихъ потребуетъ нѣкоторое количество внѣшней силы. Скажутъ: „эти измѣненія автоматичны и возбуждаются внѣшними причинами,“ но тогда отвергается существенная часть нашего сознанія—нѣкоторое количество свободы воли, и непонятно, какъ можетъ появиться сознаніе и кажущаяся воля въ такихъ чисто автоматическихъ организмахъ. При такой автоматичности наша кажущаяся воля была бы обманомъ, а мнѣнія проф. Гексли: „что наша воля играетъ роль одного изъ условій въ ряду событій,“—это мнѣніе было бы ошибочно, такъ какъ наша воля была бы только звеномъ въ

цѣпи событій и не имѣла бы большаго значенія, чѣмъ другія звенья.

Такимъ образомъ мы прослѣдили начало одной силы, хотя весьма малой, въ нашей собственной волѣ, и, такъ какъ мы въ тоже время не знаемъ никакой другой первичной причины силы, то кажется вѣроятнымъ, что всякая сила есть вѣроятно сила воли. А если такъ, то вся вселенная не только зависитъ отъ воли высшихъ разумныхъ существъ или Высшаго Разума, но она сама есть въ дѣйствительности ихъ воля.

Нерѣдко говорятъ, что настоящій поэтъ—пророкъ: въ прекрасныхъ стихахъ одной американской поэтессы мы находимъ выраженіе того, что смѣло можно считать возвышеннѣйшимъ фактомъ науки, благороднѣйшей философской истиной: „Богъ гранита и розы! Душа воробья и пчелы! Могучій потокъ безчисленными ручьями бытія течетъ отъ Тебя, Господи. Жизнью бьетъ этотъ потокъ въ травахъ и въ цвѣтахъ; а съ вершинъ лучезарныхъ творенія блескъ его славы сіяетъ въ солнцѣ и звѣздахъ“.

Задача настоящаго короткаго очерка состоитъ въ томъ, чтобы показать, что Уоллэсъ заслуживаетъ глубокаго вниманія со стороны богослововъ и философовъ. Уоллэсъ умеръ. Онъ вступилъ теперь въ область того вышечеловѣческаго міра, въ который онъ вѣрилъ такъ твердо и за вѣру въ которой его такъ сурово порицали. Но его идеи не умерли. Онѣ должны подлежать обсужденію и провѣркѣ. Пусть многія изъ его идей стоятъ въ несогласіи съ вѣрованіями нашего вѣка! Но основательность нашихъ вѣрованій поучительно провѣрять, обсуждая и оцѣнивая вѣрованія противоположныя. Думается, что даже изъ предложенныхъ короткихъ свѣдѣній объ Уоллэсѣ можно выяснитъ, почему онъ не могъ имѣть послѣдователей, почему не существуетъ уоллэсистовъ, когда такъ широко распространено наименованіе дарвиниста. Дарвинизмъ—чрезвычайно одностороннее, такъ сказать, однобокое міросозерцаніе. Чтобы принять его, нужно закрыть глаза на многое происходящее во вселенной. Но за то закрывши глаза, можно чувствовать себя съ этимъ міросозерцаніемъ очень удобно. Все объясняется легко и просто, и мировой процессъ разрѣшается въ какую то неособенно умную шашечную игру. Совсѣмъ другое — міросозерцаніе Уоллэса,

оно сложно, многогранно, многое въ немъ, можетъ быть, несогласовано и для самого автора. Спирить готовый встать подъ знамя Уоллеса можетъ смутиться его теоріею естественнаго подбора, дарвинисту не понравится его спиритизмъ, соціализмъ побойтся Бога и Провидѣнія. Уоллесъ будетъ имѣть почитателей, но не будетъ имѣть послѣдователей. Не думаетъ и авторъ настоящаго очерка слѣдовать за Уоллесомъ во всѣхъ его теоріяхъ и воззрѣніяхъ. Но есть пѣчто, въ чемъ, кажется, не мѣшало бы всѣмъ подражать умершему натуралисту. Уоллесъ стремился къ всесторонней провѣркѣ своихъ утвержденій. Объ этомъ должны заботиться всѣ. Но обыкновенно дѣло обстоитъ совершенно иначе. Люди любятъ успокоиваться на теоріяхъ краткихъ, немудреныхъ и неглубокихъ. Когда имъ указываютъ на факты, не подходящія къ ихъ теоріямъ, они предпочитаютъ не замѣчать фактовъ, чѣмъ терять свое душевное равновѣсіе. Когда со второй половины девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ область физики вторглись невидимые лучи и затѣмъ радіоактивныя вещества, нѣкоторые физики и химики были недовольны: имъ хотѣлось лишь развивать старое, а здѣсь приходилось частію отказываться отъ стараго и частію его перестраивать. Новые факты явились въ науку, такъ сказать, преждевременно, и старымъ ученымъ было непріятно, что потревоженъ ихъ покой. Это случалось неоднократно и это еще будетъ случаться. Но этого не должно быть. Наука никогда не узнаетъ всего, но правильное всестороннее научное образованіе, которое было у покойнаго Уоллеса, должно дѣлать ученаго готовымъ ко всякаго рода неожиданностямъ—и къ торжеству отвергнутыхъ воззрѣній и къ гибели модныхъ теорій.
